

С К В О З Ь В Р Е М Я

ЭХО и МРАМОР

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

**Сквозь время. Эхо и
мрамор. Древняя Греция**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Сквозь время. Эхо и мрамор. Древняя Греция /
С. В. Диковинный — «Автор», 2026

В этой книге Витька пройдёт путём героя. От рыбацкой деревни на берегу — до мраморных городов, где решают не кулаком, а словом. Он услышит слепого певца под платаном — и поймёт, что мифы — это память, только рассказанная вслух. Он увидит Спарту — где все идут в ногу и умеют молчать, — и Афины, где спорят обо всём на свете, даже о том, как устроено небо. Он переживёт ужас лабиринта — и узнает от старого критянина то, от чего станет страшнее, чем от любого чудовища: никакого Минотавра нет. Он увидит Марафон — тонкую, неровную линию, живую, а не каменную. Он увидит войну под Троей — и поймёт, что гибнут там не за родину, а за чужую жену и чужое золото. Он увидит Сократа — старика, который ничего не знает, но умеет задавать вопросы так, что все вокруг начинают думать сами. И где-то на площади, среди толпы, он почувствует самое важное: быть вместе — это не значит быть одинаковыми. Это значит — быть рядом и оставаться собой.

© Диковинный С. В., 2026

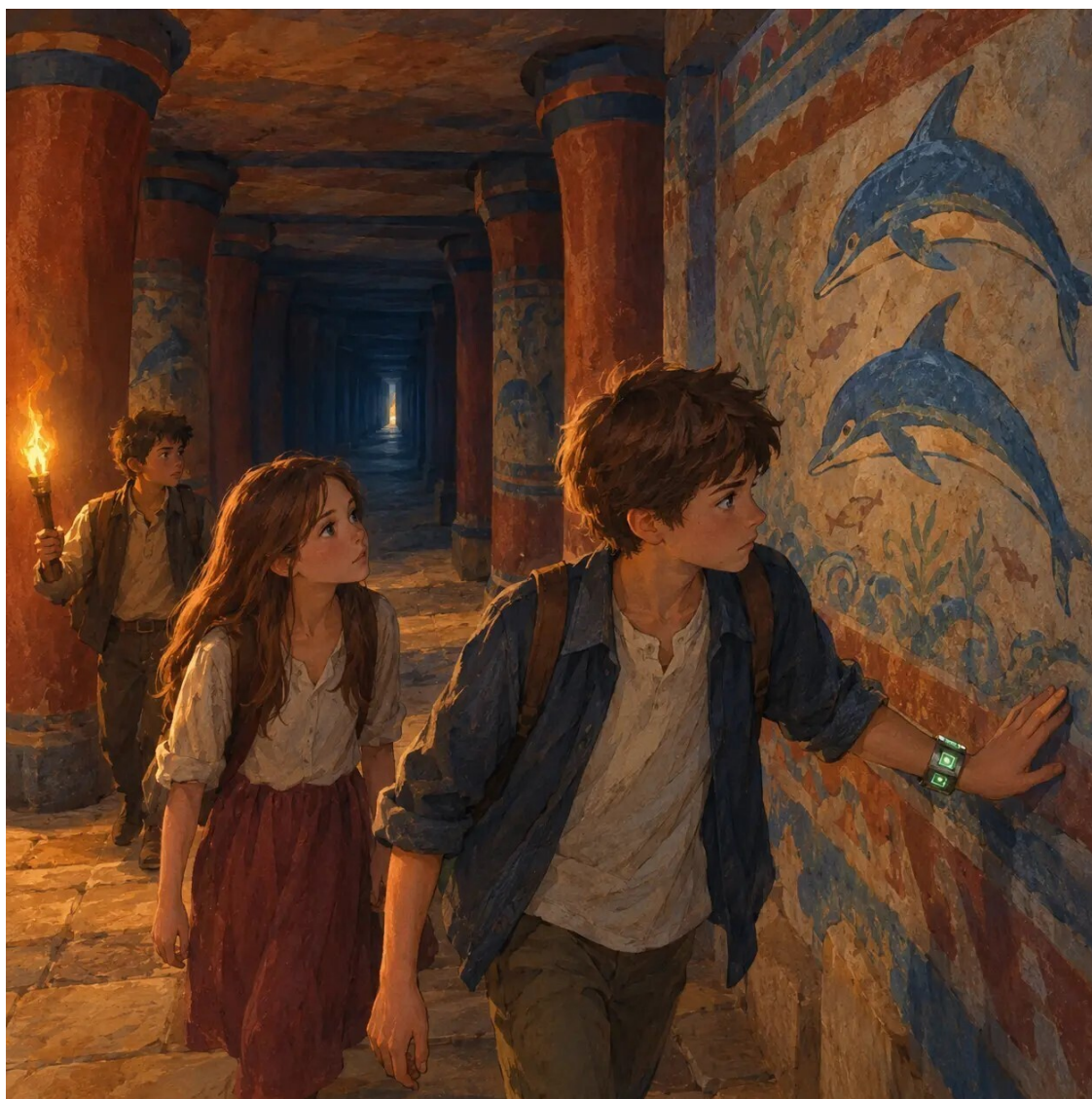
© Автор, 2026

Содержание

Глава 17. Лабиринт	5
Глава 18. Певец	10
Глава 19. Два города	15
Глава 20. Марафон	20
Глава 21. Агора	25
Глава 22. Разбор	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Диковинный Сквозь время. Эхо и мрамор. Древняя Греция

Глава 17. Лабиринт

На этот раз он оказался **на берегу**.

Не на реке. На **море**.

Он понял это сразу — по воздуху. Воздух был **солёный**. Не такой, как у реки: речная вода пахнет илом, тиной, рыбой. Этот запах был другой — чистый, резкий, живой. Он щипал в носу и оставался на губах, если их облизнуть.

Витька стоял на тёплом камне, у самой кромки воды. Впереди — **море**. Оно было не такое, как на картинках в его учебнике. Не синее. Не ровное. Оно было **бесконечное** и в то же время **совсем близкое**. Волны шли одна за другой, ровно, спокойно, и у берега превращались в тонкую белую полосу. За полосой снова была вода. За водой — вода. И где-то очень далеко,

у самого горизонта, вода **сливалась с небом**, и нельзя было понять, где кончается одно и начинается другое.

Он стоял и смотрел долго.

Потом оглянулся.

За ним, вверх по склону, был **холм**. А на холме — **дворец**.

Не пирамида. Не стена. Не храм с колоннами. Что-то **другое**. Широкое, приземистое, растёкшееся по склону в разные стороны. Оно было сложено из **светло-жёлтого камня**, и на этом камне играли красные и синие полосы — то ли краска, то ли свет. Витька прищурился и понял: **краска**. Настоящая. Дворец был **раскрашен**. Красным, синим, жёлтым. Как будто кто-то очень давно взял и разрисовал всю стену целиком — сверху донизу. Никогда раньше он не видел, чтобы дома **так ярко** красили.

Он пошёл наверх.

Чем ближе он подходил, тем больше становилось **непонятно**.

Дворец был **не один**. Он был **много**. Один зал примыкал к другому, другой — к третьему, третий поворачивал куда-то вбок и **выводил во двор**. Двор был просторный, мощный, с низкой террасой, увитой виноградом. За двором — снова залы. За залами — коридоры. Коридоры уходили вглубь и **не кончались**.

Витька вошёл.

Внутри было **прохладно**. Камень держал свежесть. Свет шёл не из окон — окон почти не было. Свет шёл **сверху**, через узкие проёмы в потолке, и ложился на пол **ровными полосами**. Полосы были **косые** — день уже клонился к вечеру. В этих полосах виднелась **пыль**, медленно плавающая в воздухе.

Стены были **расписаны**.

Витька остановился.

На стенах — в залах, в коридорах, везде — шли **фрески**. Люди. Женщины с высокими причёсками, в длинных платьях с оборками. Мужчины в коротких туниках. Юноши и девушки. Все — **тонкие, гибкие, лёгкие**. Все — в движении. У одного в руке — кубок. У другой — цветок. У третьей — змея, обвившаяся вокруг руки.

И — **быки**.

Быков было много. Быки стояли на стенах, шли по стенам, прыгали через стену. Целые сцены: юноша, **перепрыгивающий через быка**. Хватается за рога — и **кувыркается**, летит над спиной. Не для смерти. Не как на арене. Как будто это **танец**.

Витька смотрел и не понимал: **что это?** Игра? Опасная игра? Или что-то, что здесь считалось **главным**?

Он вспомнил, что где-то уже видел быка. Только не помнил где. Бык был **важен**. Это было видно по всему: по фрескам, по чашам, по каменным рогам, стоявшим прямо в зале — огромным, обточенным, отполированным. Эти рога были не на быке. Они были **сами по себе**. Как знак.

Он пошёл дальше.

Коридоры **запутывались**.

Витька не сразу заметил, но потом понял: он **уже здесь был**. Вот этот угол. Вот эта фреска — синяя полоса и птица. Он видел её раньше. Или это другая? Вторая такая же? Он свернул вправо — и вышел в зал, который узнал. Потом свернул влево — и попал в такой же зал, но не тот.

Он **не терялся**, но и **не находил выхода**.

Дворец был **живой какой-то запутанностью**. Он не пугал. Просто **не отпускал**. Один поворот вёл в другой. Один зал открывался в другой. И везде — фрески, везде — свет через потолок, везде — прохлада и пыль в полосе солнца.

Витька остановился и прислушался.

Где-то далеко, за несколькими стенами, **слышались голоса**. Он пошёл на них и через несколько поворотов вышел в большой зал.

В зале сидели **люди**.

Не туристы. Не зрители. **Свои**. Женщины в длинных платьях с оборками, мужчины в коротких туниках, юноши, девушки. Они сидели по кругу на низких каменных скамьях. На коленях у кого-то — глиняные чаши. На полу, в центре, стоял **небольшой очаг**, и в нём горел ровный, тихий огонь.

Один старик — с длинными седыми волосами, перехваченными лентой, — говорил.

Витька не понимал слов. Но слышал **ритм**. Старик говорил **размеренно**. Не спорил. Не доказывал. **Рассказывал**. И все слушали. Никто не перебивал. Никто не отвлекался. Даже дети — а их было несколько, они сидели рядом с матерями, — слушали внимательно.

Витька присел у стены. Не в круг. Просто рядом. Слушать.

Старик говорил долго. Иногда он делал паузу и обводил всех глазами — медленно, по кругу. Потом продолжал. В его голосе появлялось что-то, чего Витька не мог назвать. Это не была радость. Это не была печаль. Это было что-то **между**. Как будто он рассказывал **не о том, что было, а о том, что до сих пор живёт в нём самом**.

И вот — старик сказал что-то такое, от чего все **замерли**.

Витька не знал слов. Но по тому, как изменились лица, он понял: **сейчас будет важное**.

И старик **сказал слово**.

Он произнёс его тихо, но отчётливо. Одно слово. И в этом слове было столько, что воздух в зале **сжался**.

Мальчик рядом с Витькой — лет восьми, в короткой тунике, с непослушной чёлкой — наклонился к нему и прошептал:

— **Минотавр**.

Витька вздрогнул.

Мальчик сказал это на своём языке. Но Витька **услышал знакомое**. Он уже знал это **слово**. Откуда-то. Из книжки? Из мультфильма? Из чего-то ещё, давнего, забытого.

Старик продолжал. Теперь он говорил **медленнее**. И Витька вдруг **стал понимать** — не слова, а **смысл**. Как будто старик говорил **не на языке, а образами**, которые ложились прямо в грудь.

Он рассказывал про **царя** — какого-то давнего, сильного. Про **жену царя** — которая родила **не то, что надо**. Про **чудовище** — с телом человека и головой быка. Про то, что чудовище **нельзя было убить просто так** — потому что оно было **царской крови**. Про **дворец**, в котором для него **выстроили особые ходы**. Так, чтобы он **не мог выйти**, но мог **жить**. Так, чтобы **никто не мог его найти**, кроме тех, кто **шёл на смерть**.

Старик рассказал, как **приводили людей**. Юношей и девушек. Из другой земли. Как их **запускали** в запутанные переходы. Как они **блуждали**. Как чудовище их **находило**. И только один — **герой** — смог дойти до самого центра. С клубком ниток, который ему дала **девушка**. Разматывая нить за собой. Шаг за шагом. В самое сердце.

Старик замолчал.

Витька сидел, не двигаясь.

Он **понял**.

Не словами. **Целиком**. Как будто кто-то взял и развернул перед ним **всю картину сразу**.

Он вспомнил, где был. В **Этом дворце**. В том самом. Он прошёл **эти коридоры**. Он видел **эти стены**. Он стоял у **этих** рогов. И он — только что — **блуждал**. И вот он — **в центре**. У огня. Там, где — по легенде — жило чудовище.

Витька поднял глаза. Оглядел зал заново.

Он искал **Минотавра**. Искал рога, копыта, чудовище, тень за колонной.

И **не нашёл**.

Ничего. Просто люди. Просто огонь. Просто старик. Просто мальчик рядом. Просто **дворец**, который **запутанный, большой, тёмный** в одних местах и **светлый** в других. Просто **залы**, которые **примыкают** друг к другу. Просто **дом**. Царский. Богатый. **Сложный**.

Витька снова посмотрел на фрески — на быков, на юношей, на кувьрки, на рога. И он понял ещё одну вещь.

Бык здесь был **священным**. И юноши с быками — это было **не про смерть**. Это было **про переход**. Про взросление. Про то, как мальчик становится **воином** или **мужем**. И если кто-то **умирал** во время такого перехода — это **запоминалось**. Это **становилось легендой**.

А **дворец** — был **лабиринтом**. Не потому, что специально для чудовища построили. А потому, что **так строили**. Длинно, запутанно, с поворотами. И кто-то, придя сюда **впервые**, наверное, **терялся**. И думал: «**Здесь живёт чудовище. Потому что без чудовища такое место быть не может**».

Витька понял: **Минотавра нет**.

Есть **дворец**. Есть **быки**. Есть **обряд**, в котором мальчик идёт через сложное — и выходит другим. Есть **память**. Есть **страх**, который был у **чужих**, когда они подходили к этому дворцу впервые. Есть **люди**, которых привели сюда — и которые, возможно, **не вышли**.

Есть **всё это**. И из всего этого **люди соткали легенду**.

Он посмотрел на мальчика рядом. Тот больше не смотрел на старика. Он смотрел на Витьку. И улыбался — открыто, просто, как улыбаются, когда видят **своего**.

Витька улыбнулся в ответ.

Когда рассказ кончился, люди не разошлись сразу. Они **посидели ещё**. Кто-то подбросил в огонь веток. Кто-то налил из кувшина в чаши. Потом начали вставать. Разговаривать. Тихо.

Мальчик тронул Витьку за руку.

Он не говорил. Просто **показал**. Идём.

Витька пошёл за ним.

Они вышли через боковую дверь. Уже темнело. В воздухе стоял **солёный запах**. Небо на западе было оранжевое, как персик. Внизу шумело море.

Мальчик вывел его на **террасу**. Отсюда был виден весь склон и **весь дворец** — сверху. Изнутри казалось, что это одно здание. Отсюда было видно: **дворец был как город**. Залы на разных уровнях. Переходы. Дворы. Всё — **связано**, всё — **вместе**. Как будто кто-то взял и втиснул **целую жизнь** в один камень.

Витька посмотрел на мальчика.

Тот смотрел на море.

Витька понял: мальчик **знает эту легенду**. Родители ему рассказывали. Бабушка. Соседи. Все. Но мальчик **живёт** не в легенде. Он **живёт во дворце**. Ходит по этим коридорам **каждый день**. И для него здесь **нет чудовища**.

Легенда — **для других**. Для тех, кто **снаружи**. Для тех, кто **боится** зайти. А для **своих** — это просто **дом**.

Витька посмотрел вниз, на море. На волны, которые шли к берегу, ровно и бесконечно. И подумал:

Вот так делаются мифы.

Не из зла. Не из вранья. **Из памяти**. Из **очень больших событий**, которые **нельзя просто так оставить**. Из **сложного места**, которое **пугает тех, кто снаружи**. Из **перехода**, который **важен** в котором **кто-то погиб**. Всё **сложилось** — и стало **историей**. И потом её рассказывают у огня. И **дети слушают**. И **запоминают**.

Миф — **не выдумка**. Миф — **память**, свёрнутая так плотно, что в неё **влезло очень много**. И развернуть её обратно — уже почти невозможно. Можно только **пройти** через место,

где это случилось, — и **почувствовать**. Тогда кое-что из мифа **выпрямляется**. И становится понятным.

Витька стоял на террасе и смотрел, как гаснет оранжевое небо. За его спиной лежал **лабиринт**. Под ногами — **камень**. Перед ним — **море**.

Он поднял руку.

Браслет. **Двенадцать** зелёных квадратов — **один проснулся** на его глазах, пока он стоял на террасе. Он не сразу заметил. Но квадрат горел. Горел **мягко**, как и все остальные. Как будто **всегда был**.

Он сказал сам себе:

«Двенадцать. Это — миф».

И свет померк.

Дома была ночь.

Витька открыл глаза. Он лежал в кровати, смотрел в потолок и слушал, как **шумит река**. Своя, домашняя, спокойная.

Он встал. Зажёл лампу. Сел за стол. Открыл тетрадку.

На чистый лист сверху написал:

«Лабиринт».

И стал писать.

Сегодня я был на Крите. Это остров в море. Там был огромный дворец. Он из светлого камня, расписанный. Красный, синий, жёлтый. И он весь запутанный. Заходишь — и не знаешь, куда повернуть. Один зал открывается в другой, а другой — в третий. Даже на стене быки нарисованы. И рога отдельно стоят. Потому что у них тут бык — священное. И юноши прыгают через быков. Наверное, это обряд. Я не понял до конца.

А потом я услышал легенду. Старик рассказывал у огня. Про чудовище. Про Минотавра. Про то, как его заперли в этих ходах. И как приводили людей, чтобы он их съел. И как один герой добрался с клубком ниток.

Я слушал — и вдруг понял: Минотавра нет. Не было. Или был — но не такой. Просто дворец очень сложный. Просто быки тут уважаемые. Просто кто-то из чужих приходил — и терялся. И думал, что тут чудовище. А на самом деле — тут просто дом. Слишком большой и слишком запутанный.

Я долго думал: почему тогда вся Греция знает эту легенду? Если это только про один дворец?

И понял. Потому что легенда — это память. Только завёрнутая. В страшное, красивое, чудовищное. Так проще запомнить. Так передаётся. Если сказать: «там большой запутанный дворец, там был культ быка, там, возможно, кто-то погиб», — никто не запомнит. А если сказать: «в лабиринте живёт Минотавр», — запомнит каждый. Так работает память. Она заворачивает важное в страшное. Чтобы донести.

Он задумался. Посмотрел на браслет. Двенадцать.

Дописал:

Значит, миф — это не вранье. Миф — это память, завёрнутая в историю. И она жила три тысячи лет. И ещё проживёт.

И вот что интересно: сегодня я первый раз не просто смотрел. Я слышал, как рассказывают. И это было лучше, чем смотреть.

Он отложил ручку. Закрыв тетрадку.

Посидел ещё немного. Потом лёг.

Засыпал и думал: «Осталось ещё пять. Пять зелёных. Пять глав. И потом — снова разбор. И потом — что-то ещё. Что-то большое. Что-то, где ещё шесть квадратов. И это уже — не про историю. Это про кого-то другого».

Он заснул.

Глава 18. Певец

Он оказался в **дороге**.

Не в городе. Не во дворце. Не у моря. Просто **дорога**— широкая, каменистая, выющаяся между холмами. С обеих сторон — сухая трава, редкие кусты, серые камни. Пахло **пылью** и **пылью**. Небо было высокое, синее, чистое. Солнце стояло ещё невысоко — утро.

По дороге шли люди.

Немного. Человек двадцать. Может, тридцать. Босые, в простых туниках, с узлами через плечо. Женщины с корзинами. Мужчины с посохами. Кто-то вёл осла. Кто-то нёс ребёнка на руках. Обычная дорога. Обычные люди. Куда-то шли. Некуда не спешили.

Витька пошёл вместе с ними.

Он шёл долго. Час. Может, два. Дорога **не утомляла**— здесь было легко дышать, легко идти, шаг сам собой выравнивался под чужой, общий. Он никого не знал, но шагал так, как будто **свой**.

К полудню дорога вышла **на площадку**.

Площадка была небольшая. Мощёная. С каменной скамьёй у подножия старого платана. Несколько людей уже сидели там — отдыхали, пили воду из глиняной бутылки, разговаривали.

Остальные, кто шёл с Витькой, начали **останавливаться**. Узлы опускали на землю. Кто-то садился. Кто-то доставал еду. Все — **как будто знали**, что здесь надо **задержаться**.

Витька тоже остановился.

И тут увидел **его**.

Под платаном, на низкой каменной скамье, сидел **старик**.

Он был **очень стар**. Кожа — как печёное яблоко. Волосы — седые, редкие, длинные. Глаза его были **закрыты**. Или — нет. Витька присмотрелся и понял: **не закрыты**. Они **были**. Но они **не смотрели**. Смотрели куда-то **внутрь**. Старик сидел с закрытыми веками не потому, что спал. Он **был слепой**.

Перед ним лежала **палка**. Простая, деревянная, [*обструганная*] гладко, с утолщением на конце. Не посох. **Инструмент**. Как палочка писца в Междуречье. Только другая.

Витька смотрел на него.

Старик сидел **тихо**. Люди рассаживались **вокруг**него. Не рядом. **Вокруг**. Полукругом. Так, чтобы **все видели** и **все слышали**. Как будто это было **место**— не человек. Как будто это была **площадка**, которая становится чем-то важным, когда на ней **начинают говорить**.

Витька сел у края полукруга.

Он и сам не понял, почему сразу понял, что **сейчас что-то будет**. Просто — понял.

Старик поднял руку.

Никто не говорил. Никто не просил. Он просто **поднял руку**— и все **затихли**. Так бывает, когда становится слышно **муху**. Так бывает, когда воздух делается **другим**.

Старик взял палку.

Не для опоры. **Для ритма**. Он коснулся концом палки земли — один раз, тихо. Потом ещё раз. Потом третий. Три удара подряд — медленных, ровных.

И — начал.

Он **запел**.

Не как поют песни. Не как поют на празднике. **Иначе**. Голос был негромкий. Не сильный. Но в нём было что-то такое, от чего **нельзя было не слушать**. Он **двигал**голосом. Поднимал. Опускал. Делал паузу. Иногда — говорил, просто говорил, ровно, как обычную речь. Иногда — **снова пел**. Мелодия была **простая**. Несколько нот. Но она **повторялась**, и от этого **росла**. Как будто одно и то же слово говорили **снова и снова**, и оно **становилось больше**.

Витька **не понимал слов**.

Но он слышал **имена**.

Одно имя повторялось чаще всего. ACHILLEUS — нет, не так. Витька не мог прочитать. Но он слышал. Звук был знакомый. Как будто **откуда-то из давнего, забытого**. Как будто он **уже слышал это имя**— в книге, в фильме, в чём-то, что было очень давно, ещё до всего.

Старик пел **долго**.

Иногда он делал паузу и **поднимал голову**. Слепые глаза смотрели в сторону неба. И в этот момент Витьке казалось, что старик **видит**— больше, чем все вокруг. Что он **видит**то, о чём поёт. Видит **поле**, видит **стену**, видит **людей в шлемах**, видит **копья**, видит **пески** **кровь**, и **ветер**, и **дым**. Видит так, как будто он **там**. И потому **говорит**.

Витька слушал.

Он не понимал слов. Но постепенно ему **стало казаться**, что он **понимает**.

Как будто слова складывались **не в смысл, а в картину**. Как будто старик **выклады-вал**перед всеми **мозаику**, и мозаика **собиралась сама**. И вот уже где-то там, за платаном, за дорогой, за холмом — **стоит войско**. Горит лагерь. У огня — **двое**. Один — **очень сильный**. Другой — **очень гордый**. Они **поссорились**. Из-за чего-то важного. И **из-за этой ссоры**— пошло всё остальное.

Витька не знал ещё, чем это кончится. Но он уже понимал: это не про сегодня. Это про что-то очень большое. Про то, что было давно и важно. И что до сих пор продолжается, потому что старик поёт — и люди слушают.

Старик допел.

Он опустил палку. И замолчал.

Вокруг было тихо. Так тихо, что стало слышно цикадв траве.

Никто не встал сразу.

Все сидели ещё минуту. Может, две. Как будто досматривали то, что видели. Потом начали шевелиться. Кто-то кивнул старику. Кто-то сказал ему одно слово — тихо. Кто-то просто улыбнулся в сторону. Никто не благодарил громко. Никто не хлопал. Это было не то место, где хлопают.

Витька огляделся и увидел, что рядом с ним сидит девочка.

Она появилась как-то незаметно. Или была уже раньше, а он не видел. Неважно. Просто — сидела. Лет десяти. Босая. В коротком платье, перехваченном на поясе верёвкой. Волосы тёмные, коротко стриженные. Смотрела в сторону старика. И шевелила губами.

Витька всмотрелся.

Она повторяла. Беззвучно. Ритмично. Вслед за стариком. Как будто продолжала песню — про себя. Как будто старик не закончил, а передал ей — и она теперь досказывает, что осталось.

Она остановилась. Заметила, что Витька смотрит.

Улыбнулась — просто, без стеснения. И сказала что-то.

Витька не понял слов. Но по жесту — понял смысл. Она показала старику. Потом — на себя. Потом — на дорогу. Как будто говорила: *«Он поёт. Я слушаю. И запоминаю. И однажды спою сама»*.

Витька кивнул.

Девочка ещё раз улыбнулась. Потом встала и пошла к старику. Присела рядом. Положила ему в руку что-то маленькое — кажется, кусок хлеба. Старик принял. Кивнул.

И девочка снова начала шевелить губами. Тихо. Ровно. С того самого места, где старик остановился.

Витька долго сидел там.

Он смотрел на платан. На пыльную дорогу. На старика. На девочку. На людей, которые уже расходились — кто дальше по дороге, кто назад.

И он думал.

Он думал: что сегодня произошло?

Он не понял слов. Он не знал сюжета. Он не мог бы пересказать, что услышал. Но он знал — что слышал что-то великое. И не мог объяснить почему.

И вот в это было дело.

Тут нет книг. Витька это уже понял. Он ходил по Криту — там писали на стенах, на чашах, на табличках. Но здесь, на этой дороге, никто не пишет. Здесь поют. Здесь запоминают. Здесь передают.

И если ты запомнил — ты внутри этой песни. Ты её часть. Ты — тоже Греция. Потому что Греция — это не стены. Не колонны. Не города. Греция — это песня, которую каждый знает своим телом.

Миф — как он понял вчера — это память. А сегодня он понял другое. Что память живёт в голосе. Не в камне. Не в знаке. В голосе. И если голос замолчит — память уйдёт. А если голос не замолчит — она останется. Даже когда города рассыпятся. Даже когда камни сравняются с землёй.

Витька подумал: вот почему греки начались со слов.

Не с городов. Не с дворцов. Слово — это **первое**. Слово — это **клей**. Слово — это **страна**, у которой **нет границ**. Где угодно. Кто угодно. Лишь бы **пел**.

Он посмотрел на старика. Тот сидел **по-прежнему**. Слепой. Спокойный. Голова чуть наклонена. Палка лежала на коленях.

Витька **смотрел на него долго**.

Он думал: **этот человек не видит солнца. Не видит моря. Не видит платана. Не видит дороги. Но он видит то, чего не видят все остальные. Он — глаза. Только глаза не на лице, а в голосе.**

Или лучше — **в памяти**. Память — **его зрение**. Через него **видится** Греция. И потому он — **не бедный**. Он — **богатый**. Богаче всех вокруг. Потому что у него — **вся страна в горле**.

Солнце клонилось к западу.

Витька встал. Подошёл к старику — не близко. Просто остановился в шаге. Старик **не пошевелился**. Слепой. Ничего не видел. Как будто **не знал**, что кто-то рядом.

Витька сказал — тихо, по-русски, понимая, что тот не поймёт:

— **Спасибо тебе.**

Старик **поднял голову**.

Повернул её в сторону Витьки. Слепые глаза смотрели **сквозь**. Но Витьке показалось, что старик **увидел** его. Прямо, точно, ясно. Как будто у него **внутри** был второй взгляд.

Старик наклонил голову — **один раз**. Как будто **принял**.

И снова **опустил её**. Просто. Без слов. Как будто ничего особенного не произошло. Как будто так и надо. Как будто так **бывает каждый день**: приходит кто-то, ничего не говорит, слушает, потом говорит «спасибо», потом уходит. И это — **нормально**. И это — **всё, что нужно**.

Девочка снова шевелила губами.

Витька отошёл на несколько шагов. Ещё раз оглянулся.

Старик сидел под платаном. Тень от листьев лежала у него на коленях. Палка — на тени. Всё было **чистой просто**. Как будто кто-то очень давно **сказал** одному человеку: **сиди здесь и пой**. И человек **сел**. И **поёт**. И **всё правильно**.

Витька поднял руку.

Браслет. **Тринадцать** зелёных квадратов — тринадцатый проснулся, пока он смотрел на старика. Тихо, мягко, без всякого торжества. Как будто **сам собой**. Как будто **по-другому и быть не могло**.

Он сказал про себя:

«Тринадцать. Это — певец».

И свет померк.

Дома была ночь.

Витька открыл глаза. Сел на кровати. Посмотрел на окно. Там была его река — тихая, тёмная, в лунном свете. Обычная.

Он встал, зажёл лампу, сел за стол, открыл тетрадку.

Долго **сидел** над чистым листом. Не знал, **с чего начать**. Слов не было. Было что-то другое — **до слов**.

Потом написал сверху:

«Певец».

И стал писать.

Сегодня я слушал, как поёт слепой старик. Он пел про войну. Про каких-то героев. Про то, как они поссорились. Я не понимал слов. Но понимал что-то. Не умом. Не переводом. Как-то по-другому. Как будто видел.

Старик не мог видеть. Совсем. Слепой. А пел так, что все видели. Греки говорят, что первые их поэты были слепые. Может, потому что слепой видит лучше. Смотрит внутрь. Через слово. Через память. Слово для него — как глаза.

И вот что я понял.

До этого я думал: греки начались с городов. Афины, Спарта, Колосс, театры. Красивые места. А оказалось — нет. Греки начались со слов. Сначала — песня. Потом — всё остальное. Сначала — Гомер. Потом — стены.

Потому что слово — это не запись. Слово — это голос. Записи можно потерять. Сжечь. Забыть. А голос — нельзя. Если ты помнишь — ты уже живёшь. Если поёшь — всёживёт снова. Слово живёт внутри людей. А не снаружи.

И ещё: рядом со стариком сидела девочка. Она повторяла за ним. Беззвучно. Губами. Я сначала не понял. А потом понял: она учится. Она — следующая. Когда старик замолчит — она споёт. И Греция не кончится.

Вот что такое память без книг.

Голос за голосом. Ухо к уху. Ещё тысячу лет. И ещё.

Он задумался. Посмотрел на браслет. Тринадцать.

Дописал внизу:

И я первый раз понял: у Греции нет памятника. Памятник — это человек. Памятник — это голос. Памятник — это девочка, которая сейчас шевелит губами.

Он закрыл тетрадку.

Посидел ещё немного.

Потом лёг.

Смотрел в потолок, в темноту, и думал: «Осталось четыре. Четыре главы. Афины и Спарта. Марафон. Перикл. И потом — разбор с Ленкой и Петькой. И Ленка спросит: "Значит, демократия — это когда все спорят?" И я скажу: "Почти". И потом — экран. Ещё пять. И Рим. И Цезарь. И Колизей. И финал».

Он заснул.

Глава 19. Два города

На этот раз всё было **шумно**.

Витька открыл глаза и **сразу оглох**.

Не совсем. Не как от взрыва. Просто — **всё говорило**. Кричали люди. Кричали ослы. Кричали торговцы. Где-то стучало железо. Где-то играла флейта. Где-то плакал ребёнок. Где-то смеялись. Всё это было **вместе**, сливалось в один общий гул, и в этом гуле **жил** город.

Витька стоял **на площади**.

Площадь была большая, вымощенная камнем, окружённая колоннадами. В центре — статуя. Вокруг — люди. Много. **Очень** много. Все **ходили, стояли, говорили**. Говорили **все**. Даже когда молчали, казалось, что они **вот-вот заговорят**.

Здесь пахло **жареным луком, оливковым маслом, рыбой, потом**. Пахло **жизнью**.

Витька пошёл **вперёд**.

Он прошёл **рынок**.

Продавали всё: рыбу, оливки, вино, ткань, посуду, статуэтки. Кричали. Смеялись. Считали монеты. Спорили. Один торговец запустил **рыбой** в другого — тот увернулся и захохотал.

Покупательница спорила с продавцом **яростно**. Оба кричали. Оба размахивали руками. И — уже через минуту — оба **смеялись** и **жмурились**. Как будто **ссора** была не ссорой, а **игрой**.

Витька остановился и **прислушался**.

Он не понимал слов. Но понимал **музыку**: разговоров было много, и все они **шли поверх друг друга**. Как будто город **сам себя обсуждал**. Как будто это и **былогородом**: не стены, не дома, а **вот этот шум**. Шум, в котором **все друг друга слышат** — или **стараются**.

Кто-то толкнул его плечом. Витька обернулся.

Это был **мальчик**. Лет десяти. Курчавый, черноглазый, в короткой рубаше, с обрезанным по локоть рукавом. Он смотрел на Витьку **с любопытством**. Витька — на него. Потом мальчик сказал что-то, показал рукой в сторону и **поманил**.

Витька пошёл.

Мальчика звали **Никий** — так Витька понял. Никий **говорил всё время**. Даже когда Витька не понимал, он **говорил**. Показывал пальцем на разные места. Торговец — «ма-клерос». Рыба — «их-тюс». Судья на возвышении — «ар-хон». Казалось, он **учил** Витьку. И одновременно — **сам хвастался** своим городом.

Он показал Витьке **лавку отца**. Мастерскую — там пахло **кожей и свежим деревом**. Отец сидел на табурете и **чинил** сандалию. Он поднял глаза на Витьку, кивнул, сказал что-то сыну — спокойно, без злобы, — и **вернулся к работе**. Как будто чужие приходили **каждый день**.

Потом Никий потащил Витьку **дальше**.

Он показал **статую** на площади. Что-то вроде **бога** — с бородой, с копьём. Мальчик сказал что-то важное. Витька не понял, но по **тону** понял: это **не просто камень**. Это **важно**.

Он показал **дом собраний**. Длинный, с портиком. Там **говорили**. Там **спорили**. Там **решали**. Мимо шли мужчины — **серьёзные**, в чистых плащах, с **палочками** в руках. Никий сказал что-то про них с **гордостью**. Как будто это были **его** яды.

Витька остановился и **смотрел им вслед**.

Он понял.

Здесь не было царя.

Он нигде не увидел **трона**. Нигде не увидел **человека в короне**. Нигде не увидел **стражи у ворот** — ну, может, были стражники, но не как у пирамид. Не как **стена** между кем-то и кем-то. Просто — **люди**. Просто — **мужчины**, которые **шли и спорили**. И это было **главное**.

Витька **вспомнил**.

Египет — **фараон**. Междуречье — **царь**. Крит — **царь во дворце**. А тут — **никого**. Только **площадь**. Только **голоса**. Только **спор**. И это **называется** как-то. Никий произнёс **важное слово** несколько раз — показывая то на площадь, то на людей, то на себя.

Витька это слово **запомнил**. Не потому, что понимал. А потому, что мальчик **повторял** его с **особенным лицом**. С таким, как будто он **гордился**. Как будто это слово — **его собственное**.

Он повторил его про себя. Оно было короткое. Что-то вроде «**демос**».

К вечеру Витька **вышел из города**.

И **сразу** оказался на другой дороге.

Не так, как вчера — не «перешёл». Просто в **какой-то момент** город остался за спиной. И впереди была **другая земля**. Суше. Холоднее. Тише.

Дорога **шла между холмами**.

Витька пошёл по ней.

Тут **не было шума**. Не было крика. Не было торговцев. Не было площади. Были **поля**. Были **оливковые деревья**. Были **низкие каменные дома**. А людей — **мало**. И — что

странно — **тихо**. Даже дети **не кричали**. Даже собаки **не лаяли**. Просто — **тишина**. Ровная, спокойная. Как будто **земля здесь была другой**.

Он шёл долго.

На дороге ему встретился **отряд**.

Мальчиков. Лет по двенадцать. Все **босые**. Все в **одинаковых коротких плащах**. Все с **короткими волосами** — почти под машинку. Все **шли в ногу**. Молча. Впереди — **взрослый мужчина**. Тоже молча.

Витька **остановился и смотрел на них**.

Они прошли мимо. Никто **не обернулся**. Никто **не сказал ни слова**. Только **пыль** — **стала**.

Витька пошёл дальше.

Вскоре он **понял**, что вышел к **городу**.

Но это был **не город** в том смысле, как Афины. Никаких **рынков**. Никаких **статуй**. Никаких **лавок**. Просто — **улицы**. Просто — **дома**. Просто — **люди**. Витька прошёл по **главной улице** и увидел **то же самое**, что и везде: **спокойствие**. Мужчины шли парами. Женщины — с опущенными глазами, с корзинами. Никто **не говорил громко**. Никто **не смеялся**. Даже любопытные взгляды — **короткие**. Все на **своих местах**.

У **одного дома** Витька остановился.

У **двора** — не у дома. Просто **двор**. Там стояли **мальчики**. Человек десять. Лет по восемь — десять. Их **учил** **взрослый мужчина**. Что-то **показывал**. Наверное — **бороться**. Или — **держат строй**. Или — **ходить**. Витька не понял, что именно.

Но он понял — **зачем**.

Он **не сразу** это понял. Только когда **посмотрел внимательнее**.

У **этих мальчиков** были **другие лица**. Не как у мальчишек на афинском рынке. Те — **болтали, смеялись, толкались**. Эти — **молчали**. Делали всё **разом, чисто, без лишнего движения**. И даже когда они **ошибались** — не спорили, не жаловались. Просто **делали снова**. Ещё раз. Ещё раз.

Витька смотрел.

Рядом с ним **оказалась девочка**.

Как — не заметил. Просто **была**. Лет **десяти**. Босая. С короткими волосами. В простом платье. Смотрела **на мальчиков**. И не улыбалась. И не хмурилась. Просто — **смотрела**. Как будто **знала**, что будет дальше.

Она обернулась к Витьке.

Сказала что-то. Тихо. Спокойно. Витька не понял. Девочка **показала рукой** — сначала на мальчиков, потом на себя. Как будто говорила: «**Здесь так надо. И я — здесь**».

Она повернулась и **пошла**. Медленно. Витька пошёл за ней.

Она **вывела его за город**.

Немного. Только за **последнюю стену**. За ней было **поле**. Пустое. Ровное. И на нём — **ничего**. Только **травы** и **дальние горы**.

Девочка **сел** на камень. Показала Витьке — **садись**. Он сел. Рядом.

Она смотрела **в поле**.

Витька смотрел **на неё**. Потом — **туда же**, куда и она. На поле. На горы за ним.

И тут он **понял**.

Он вспомнил **Афины**. Шум. Торговлю. Площадь. Голоса. Спор. Мальчика **Никия**, который **болтал без остановки**. Показал ему отца, площадь, статую, дом собраний. Всё **показал**. Со **всеми** поделился. Как будто **город** — это то, чем надо **делиться**.

Он вспомнил **Спарту**. Тишину. Ряды. Молчаливых мальчиков. Отряд на дороге. Спокойствие. Никто **не показывал** **ничего**. Никто **не объяснял**. Всё — **внутри**.

И — девочку. Которая сидела и смотрела на поле. Как будто это её место. Как будто здесь всё понятно. Без словой.

Витька долгосмотрел на неё.

Он не знал её имени. Она не сказала. И он — не спросил. Спросить было бы странно. Как будто имени здесь не нужно. Как будто важнее — что она сидит. Что она здесь. Что она спартанка.

Он обернулся.

Позади — Спарта. Тихая. Спокойная. Собранная.

А далеко-далеко, за холмами, там, где должно быть море, — Афины. Шумные. Голосистые. Живые.

Витька сидел между ними.

И понимал.

Он понимал, что это не два города. Это одна Греция. И она вся вот такая: с этой стороны — молчание, с той — крик. Здесь — порядок. Там — шум. Здесь — всё вместе. Там — каждый сам. И то, и то — правда. И то, и то — настоящее.

Он вспомнил вчера. Певец. Слово. Одна песня — на всех. И сегодня — два города. Но песня — та же. И язык — тот же. И боги — почти те же. Просто — по-разному живут. И поэтому — по-разномууюют. И по-разномустроят. И по-разномудумают.

И всё-таки — вместе.

И, может быть, в этом всё дело. Не одна Греция. Сотнималеньких Греций. Каждая — своя. Каждая — со своим лицом. Каждая — уверена, что она — правильная. И — все вместе — и есть Греция. Потому что сравнивают. Потому что рядом. Потому что не дают друг другу успокоиться.

Витька встал.

Он поклонился девочке — не знал зачем, просто захотелось. Девочка посмотрела на него. И — чуть-чуть — улыбнулась. Совсем немного. Один уголок губ. Но это было очень много. Для спартанки.

Он поднял руку.

Браслет. Четырнадцать зелёных квадратов. Четырнадцатый — только-только. Ещё тёплый, как будто он только что родился.

Он сказал тихо:

«Четырнадцать. Это — полис».

И свет померк.

Дома была ночь.

Витька открыл глаза. Немного посидел на кровати, не вставая. Послушал реку. Свою. Тихий плеск. Родной.

Потом встал. Зажёл лампу. Сел за стол. Открыл тетрадку.

На новой странице сверху написал:

«Два города».

И стал писать.

Сегодня я был сразу в двух местах. В Афинах и в Спарте. Это два греческих города. И они совсем разные.

Афины — это шум. Площадь. Торговля. Крик. Все говорят. Все спорят. Все хотят что-то сказать. Один мальчик по имени Никий таскал меня весь день и показывал всё. Он говорил без остановки. И знаешь, было видно, что это правильно. Так у них устроено. Все решают. Не царь. Все. Я сначала не поверил. Как это — все? Но так и было.

Спарта — наоборот. Тихая. Всё ровное. Всё сдержанное. Мальчиков учат детства. Не болтать. Не хвастать. Делать. Быть вместе. Быть одним. Я встретил девочку —

она мне ничего не говорила. Она просто селана камень за городом и смотрела в поле. И я сел. И мы вместе смотрели. Это было понятно. Спасибо ей за это.

И вот что я думаю: это не раздоры. Это сила. Греки — это не один город. Это многогородов. И они разные. И они знают, что разные. И это даёт им что-то такое, чего нет у других. У египтян — одна страна. У Междуречья — одна земля. У Крита — один дворец. А у греков — сто мнений. Сто жизней. Сто правд. И хоть они ссорятся, но в этом — ихние богатства.

Он задумался. Посмотрел на браслет.

Дописал:

И ещё: эти два города говорят на ОДНОМ языке. Даже если один кричит, а другой молчит — слова те же. Значит, их что-то ДЕРЖИТ вместе. Не стена. Не царь. Что-то другое. Может быть, песня? Может быть, боги? Может быть, просто то, что они знают друг о друге.

Полис — это город. Но не просто город. Город, который сам придумал, как жить.

Он закрыл тетрадку. Посидел немного.

Засыпая, думал: «Осталось три. Марафон. Перикл. И разбор. И потом я узнаю, куда идут ещё пять зелёных».

Он заснул с улыбкой.

Глава 20. Марафон

Он оказался **на рассвете**.

Не в городе. Не на площади. Не на дороге. Утро было **очень раннее**. Небо только-только начинало светлеть с востока. Ещё висели последние звёзды. Пахло **холодной землёй и мокрой травой**. Роса.

Витька стоял **на холме**.

Внизу, под холмом, лежала **долина**. Широкая, ровная, зелёная. Её пересекала **речка**— неглубокая, блестящая в утреннем свете. За речкой — снова поле. А ещё дальше — **море**. Витька видел его **полоской**, серо-синей, плоской, у самого горизонта. Море было **спокойное**. Как будто оно **не знало**, что будет сегодня.

Витька посмотрел направо.

Там, **у подножия холма**, стояли люди.

Много. Сотни. Может, тысячи. Они **выстраивались**. Неспешно. Молча. Очень **просто**— в длинную тонкую линию. Без барабанов. Без криков. Без команд. Каждый **знал своё место**. Каждый **встал куда нужно**. И вдруг это оказалось **очень красиво**— эта линия. Не «строй». Не «стена». А **живая линия** людей, которая **растянулась** по холму.

Витька стал **спускаться**.

У подножия было **тихо**.

Удивительно тихо. Не как в Афинах, где шум **не умолкал**. Здесь всё было **другое**. Люди **разговаривали вполголоса**. Кто-то **проверял** свой щит. Кто-то поправлял ремень. Кто-то **просто стоял**. Смотрел вперёд.

Витька **не понимал**, что будет. Но **чувствовал**: что-то **вот-вот**.

Он прошёл вдоль линии.

Тут были **разные люди**. Молодые. Постарше. Совсем старые — седые, с морщинами. Богатые — в красивых доспехах. Простые — в простых рубахах, с деревянными щитами. Кузнец. Гончар. Рыбак. Какой-то человек с **мозолями** на руках — Витька узнал: **сапожник**. Как отец Никия.

И вдруг — **Никий**.

Он **бежал** вдоль строя. Растрёпанный, запыхавшийся, с двумя **кувшинами** в руках. Один кувшин был **полный**. Другой — **пустой**, только что отдан кому-то. Никий подбегал к людям, наливал **воду** из полного в чью-то чашу или прямо в ладони, забирал пустую и бежал дальше.

Он увидел Витьку.

Остановился. Улыбнулся — знакомо, широко, как в Афинах. И **помахал рукой**.

Витька подошёл ближе.

Никий сказал что-то быстрое, весёлое, показывая то на кувшин, то на строй. Витька понял: **он носит воду**. Поит воинов **перед боем**. Это **его работа**. Не потому, что заставили. Потому что **так надо**.

Витька **оглянулся**.

Он **увидел их** впервые по-настоящему.

Не «людей вообще». А **каждого**.

Вот этот — **молодой**. Совсем мальчик. Лет восемнадцати. У него на щите **нарисовано что-то**. То ли **сова**. То ли **олень**. Витька не понял. Но рисунок был **аккуратный**. **Свой**.

Вот этот — **постарше**. У него на щите **буква**. Одна. Большая. Красивая. Наверное, первая буква его имени. Или имя отца. **Знак**. Не просто щит. **Подписанный**.

Вот ещё один. У этого **щит пустой**. Ничего. Просто дерево, обитое кожей. **Простой**. **Честный**.

Витька **смотрел на щиты**.

И **понял**.

Это **не армия**. Это **люди**. Каждый — **сам**. Каждый **принёс свой щит**. Свой. С **рисунком** своего дома. Или без рисунка. Но **свой**. Никто **не выдавали** щиты. Никто **не ставили** их в строй. Они **сами встали**. Потому что **надо**. Потому что **сейчас**. Потому что **дома** — там, за **холмами** — их **город**. Их **шум**. Их **площадь**. Их **дети**. Их **жёны**. Их **отцы**.

Витька **вспомнил Египет**.

Там были **тысячи**. Как здесь. Строили пирамиду. Все — **вместе**. Работали. Строили **чужое**. Для **царя**. Для **бога**.

Здесь — тоже **тысячи**. Но не **работники**. **Граждане**. Не «работают». **Защищают**. И не для **царя**. Для **себя**.

Он посмотрел вдаль.

Там, **далеко**, на другом конце долины, **стояло войско**.

Витька его **не сразу заметил**. Просто потому, что оно **было**. Оно **было огромное**. И вот тут у Витьки **по спине прошёл холод**. Потому что оно **было в разы больше**. В **десятки раз**. Он видел, как оттуда **поднимались** какие-то точки. Конница? Колесницы? Он не понял. Но он **понял**, что это — **персы**. Что это — **тот самый враг**, о котором здесь все **знали**. И что их — **намного больше**.

Никий **перестал улыбаться**.

Он посмотрел на Витьку. Потом — туда, куда смотрел Витька. И сказал **тихо** одно слово. Витька его **не** знал. Но по лицу **понял**: Никий сказал «**персы**». И в этом слове было **всё**.

Время **тянулось**.

Витька стоял **рядом** с афинянами. Не в строю. **Сбоку**. Никто **не** **обращал** на него внимания. Как будто его **не** было. Тут было **не** до него.

Люди **готовились**.

Не так, как готовятся **солдаты** — по команде, по уставу, шаг за шагом. Здесь каждый **готовился сам**. Кузнец проверял **клинок**. Рыбак **прилаживал** **ремень**. Молодой мальчик с совой на щите **стоял молча** и **смотрел** на море. Как будто **прощался**.

Витька **подошёл** ближе к одному **старiku**.

Старик сидел **на земле**. Просто сидел. Склонив голову. В руках у него был **маленький мешочек**. Он **развязывал** его. Доставал **щепоть чего-то** — Витька не понял, что это. То ли земля. То ли мука. То ли пепел. И **рассыпал** её вокруг себя. Неспешно. По **кругу**.

Витька **стоял и смотрел**.

Он **не** понимал, что делает старик. Но **чувствовал**: что-то **важное**. Старик **не** спешил. Отсыпал по горстке. Как будто **обводил** себя **невидимой чертой**. Как будто **защищал** себя от **чего-то**. Или — **отдавал** себя **чему-то**.

Закончил. Закрыв мешочек. Спрятал под рубаху. И **остался сидеть**. Глядя **вперёд**. Туда, где были **персы**.

Рядом **встал** другой человек. Тоже **постарше**. Тоже **молча**. Сел рядом со стариком. И **положил** руку ему на плечо. Старик **не** обернулся. Просто **накрыл** его руку своей.

Витька **отвернулся**.

У него **сжалось** что-то в груди. Как будто он **не** должен это видеть. Как будто это **слишком**.

Он отошёл.

Никий **догнал** его. Дёрнул за рукав. Сказал что-то. Показал в сторону **речки**.

Витька **пошёл** за ним.

У **речки** они сели.

Никий **достал** из-за пазухи **кусок хлеба**. Один. Разломил **пополам**. Одну половину **протянул** Витьке.

Витька **взял**.

Они **сидели на берегу** и **жевали хлеб**. Молча. Никий **не** шутил. Никий **не** говорил. Никий **смотрел** на противоположный берег. Туда, где за речкой, далеко-далеко, **всё ещё** **стояли персы**.

Витька **тоже смотрел**.

Он думал о том, что **сейчас будет**. О том, что **вот эти** люди — **эти** сапожник, **этот** кузнец, **этот** мальчик с совой на щите, **этот** старик — **пойдут** туда. **Через** речку. **На** тех. Которых **в десять раз больше**.

И что **все они** это знают.

И всё равно **идут**.

Не потому, что **приказали**. Не потому, что **надо**. А потому, что **если не они — то кто**. Потому что **там, за холмами, — их город. Их площадь. Их дом. Их отец. Их мать. Их маленькая сестра**. И если они **не пойдут** — всё это **исчезнет**. Не «будет завоёвано» — **исчезнет**. По-настоящему. Их шум. Их спор. Их голос. Их «**демос**».

Вот что они **защищают**.

Не страну. Не землю. Не имя.

Свой шум.

Никий **заговорил**.

Тихо. Витька **не** понял слов. Но по **тону** понял: он **рассказывает**. Про что-то **своё**. Про **отца**, наверное. Про **дом**. Про **мать**. Может — про **сестру**. Он **показывал** рукой — куда-то **в сторону Афин**. И в его голосе **была** нежность. И **страх**. И **гордость**. Всё **вместе**.

Витька **слушал**.

И вдруг **понял одну вещь**.

Он понял, что **вот это — и есть** то, чего **не было** ни в Египте, ни в Междуречье, ни на Крите, ни даже в Спарте.

В Египте тысяча **строила** для царя. У них **был** фараон. Они **знали**, для кого.

В Междуречье **писали закон** — но закон **писал царь**. Царь был всё. Люди — **только исполнители**.

На Крите — **дворец**. Царь. Тайна. Миф.

В Спарте — **строй**. Строй **был** всё. Отдельный человек — **ничто** перед строем.

А здесь — **здесь** — был **человек**. **Сам**. **Один**. С **щитом**. Со **своим** рисунком. С **хлебом** в кармане. С **рукой**, положенной на плечо **старика**. С **сыном**, который **носит воду**.

Вот что здесь было главное.

Человек.

И это — **все** понимали. И потому **шли в строй**. Свободно. **Сами**. Как люди.

Витька **встал**.

Он **не** знал, что будет дальше. **Боян не увидит**. Он понял это **внезапно** — как будто **кто-то** сказал ему: ****«Твоё — не здесь»**. Твоё — **вот это**. **До**. **Перед**. **Сейчас**.

Он **оглянулся** в последний раз.

Утро **разгоралось**. Небо на востоке стало **золотым**. Трава **заблестела**. Роса **засверкала**. Далеко-далеко, там, у **моря**, **стойка персов** чуть **зашевелилась**. Как будто **волна** пошла по ней.

Афиняне **стояли**. Как стояли. **Тихо**.

И вот тогда **запел** кто-то.

Один голос. Негромкий. Как у старика-певца вчера. Только — **проще**. Короче. Это была **не «Илиада»**. Это была **короткая песнь**. Что-то **военное** или **молитвенное**. Витька **не** понял слов. Но он **услышал мотив**.

И **второй** голос **подхватил**.

И **третий**.

И вдруг **вся линия** — вся эта **живая линия** людей — **пела**.

Тихо. Сдержанно. Не громко. Не как **гимн**. Как **своё**. Как **внутреннее**. Как будто **каждый** пел **для себя** — но **вместе** это складывалось **в одно**.

Витька **замер**.

Он **никогда** не слышал **ничего** подобного.

В Египте была **работа**. **Дружно**. В Междуречье — **закон**. В Спарте — **строй**. А здесь — **песня**. **Своя**. **Общая**. **Разная и одна**.

Никий **подхватил** тоже. Сначала тихо. Потом **громче**. Он **поглядывал** на Витьку **искоса**, как будто **приглашал**. Витька **не** знал слов. И не **умел** петь. Но он **открыл рот** — и **ничего не сказал**. Просто **дышал**. В **такт**.

Он **поднял** руку.

Браслет. **Пятнадцать** зелёных квадратов. Пятнадцатый — **горел ярче**, чем все предыдущие. Витька **понимал**, почему. Не потому, что это был **бой**. А потому, что это была **песнь**. Потому что здесь **человек** был — **важен**. Потому что здесь **один + один + один** — не **строй**. **Хор**.

Он сказал **тихо**:

«Пятнадцать. Это — свобода».

И свет **померк**.

Дома была **ночь**.

Витька открыл глаза. Сел на кровати. **Послушал**.

Река. Своя. Плещет. Спокойно.

Он **встал**. Зажёг лампу. Открыл тетрадку. Долго искал новую страницу. Нашёл. Сверху написал:

«Марафон».

И стал писать. Медленно. Как будто не сразу находил слова.

Сегодня я был на войне. Только боя я не видел. Я видел утро. И то, что было до.

Нас было мало. А их — много. Я не знаю, сколько. Не в этом дело. Дело в том, что все знали, что их больше. И всё равно вставали в линию. Сами. Никто не заставлял. Каждый — по своему желанию.

И вот что я понял.

Раньше всё было не так.

В Египте — царь. Люди строили для него. Для царя. Для того самого, которого они никогда не увидят.

В Междуречье — законписал тоже царь. Только царей было больше.

На Крите — дворцы миф. И чудовище. Всё — вокругкого-то большого.

В Спарте — строй. Отдельный человек — ничто. Все — одно. Я думал: «вот, это — сила». А оказалось — не только сила. Ещё и потеря. Потому что где все одно — там нет каждого.

А здесь — здесь другое.

Здесь каждый — сам. Со щитом своим. С рисунком своим. Не «номер». Не «воин». Человек. С отцом. С сыном. С хлебом в кармане. И когда их много — это не строй. Это хор. И это поют. Тихо. Как будто не для врага. Как будто для себя.

И когда они идут в бой — они идут за это. За своё. За то, что рядом. За свой шум.

Вот что такое свобода, наверное. Не «делай, что хочешь». А «твое — твоё». И «ты — сам». И «если тронут твоё — ты идёшь». И «ты идёшь не потому, что велели. А потому что твоё».

Он задумался. Посмотрел на браслет. **Пятнадцать**.

Дописал **внизу**:

Осталось два.

Один — про то, как это всё вместе работает. Когда народ решает. Когда строят красивое. Когда есть у кого-то смелость сказать: «давайте все вместе сделаем так, чтобы было хорошо всем».

И один — последний разбор.

А потом — я узнаю, что там, за пятью квадратами. Пять ещё. И это — уже не моё лето. Это — что-то большое.

Он закрыл тетрадку. Сел ещё немного. Потом лёг.

Засыпая, слышал **реку**. Свою. Домашнюю. Тёплую.

И почему-то казалось, что там — далеко — всё ещё поют.

Глава 21. Агора

Он снова был в **Афинах**.

Только **другие** Афины.

Он понял это **сразу**. И не потому, что узнал место — а потому, что **почувствовал воздух**. Тот же шум. Те же голоса. То же солнце. Но **старше**. **Спокойнее**. **Больше**. Как будто город **выроси окреп**. Как будто то, что тогда **только начиналось**, — **сейчас было в полную силу**.

Витька стоял **на той же площади**.

Она была **та же**— и **другая**. Тот же камень под ногами. Те же колоннады. Те же статуи. Но **выше**. **Просторнее**. **Красивее**. Над городом, **на холме**, поднимались **новые постройки**. Витька задрал голову. Там, наверху, **строили храм**. Огромный. Белый. С колоннами. Он **ещё не был готов**— торчали леса, ходили **люди**, что-то **поднимали на верёвках**. Но уже **видно было: что-то очень большое**. **Очень настоящее**.

Он пошёл **на площадь**.

Тут было как всегда. Люди. Говор.

Только теперь Витька **умел** слушать. Он **уже** знал, как это работает. Он **уже** понимал, что этот шум — **не хаос**. Что это **не «все кричат»**. Что это — **спор. Разговор. Решение. Общее**. Он **слышал** это так, как будто слышал знакомую песню на другом языке.

Он **остановился** в самой середине.

И увидел **человека**.

Это был **мужчина**. Не старый. Не молодой. Лет **пятидесяти**. Обычно одетый — короткий плащ, сандалии, посох в руке. В толпе его бы **не заметили**. Витька **сам** не понял, **почему** заметил. Но заметил.

Мужчина **стоял** и **разговаривал**.

С кем-то. С **молодым**. Лет двадцати. Тот **что-то говорил. Уверенно. Быстро**. Как будто **всё** знал. Мужчина **слушал**. Кивал. Иногда **улыбался**. И когда молодой **закончил** — задал **один вопрос**.

Один.

Короткий.

И молодой **замер**.

Он **открыл рот. Закрыл**. Потом **снова открыл**. И **не нашёл ответа**.

Мужчина **улыбнулся** — мягко. **По-доброму**. И задал **ещё один вопрос**. И молодой **опять** задумался. И **так** они **пошли дальше** — по площади. Медленно. Слово за слово. Вопрос за вопросом.

Витька **смотрел**.

Он **не понял слов**. Но **понял метод**. Этот человек **не отвечал**. Он **спрашивал**. И делал это так **ловко**, что **другой сам начинал понимать**. Как будто он **не объяснял** — **помогал понять**. Как будто он **держал свечу**, а не давал свет.

Витька **пошёл** за ними.

Он **ходил** за этим человеком долго.

Человек **не спешил**. Он **останавливался** у лавок. **Говорил** с торговцем. **Спрашивал** — что тот думает о **справедливости**. Торговец **отвечал**. Человек **уточнял**. Торговец **путался**. Человек **помогал** ему **разобраться**. Не за него — **вместе**.

Потом — с **юношей**, который **хвалился** своей **смелостью**. Человек **спросил**: а что такое смелость? Юноша **ответил**. Человек **переспросил**. Юноша **уточнил**. Человек **ещё раз переспросил**. И **вышло** так, что юноша **сам** назвал смелостью такое, что смелостью **не было**.

Потом — с **женщиной**. Она пришла с **корзиной**. Всего на **минуту** — **что-то спросить**. Человек **ответил**. Она **ушла**. Довольная.

Витька **смотрел** на всё это и **понимал**:

Этот человек — **не учил**. Он **будил**.

Он **не давал знания**. Он **заставлял** человека **вспомнить**, что тот **умеет думать**. Что **не надо верить на слово**. Что можно **проверить**. Что **вопрос — сильнее ответа**. Что «я **не знаю**» — **не позор**. **Позор** — **не хотеть узнать**.

Витька **подошёл ближе**.

Человек **заметил**. Не **сразу**. Позже. Он **обернулся** — в какой-то момент — и **посмотрел** на Витьку **прямо**. Глаза были **спокойные. Внимательные**. Как будто он **ждал** Витьку **именно сейчас**. Как будто Витька **был не случайно**.

Он **сказал** что-то.

Витька **не понял слов**. Но **понял вопрос**. Даже **без перевода**. По интонации. По лицу. По тому, **как** он это **сказал**.

Человек **спросил**: «А ты что **думаешь?**»

Витька **замер**.

Он **открыл рот. Закрыл**. Как тот молодой. Он **не знал ответа**. У него **не было ответа**. У него было **сто мыслей. Тысяча**. И ни одной **ясной**.

Человек улыбнулся.

Не свысока. А как будто ждал именно этого.

И сказал ещё что-то. Коротко. Тихо. Не Витьке. Как будто вообще. В воздух.

Витька не понял слов. Но по тону почувствовал: «Ничего. Это и есть начало».

Человек ушёл дальше. По площади. Медленно. С посохом. Растворяясь в толпе.

Витька долго смотрел ему вслед.

К вечеру он оказался в другом месте.

Не на площади. На склоне холма. Под открытым небом. Вокруг — люди. Много. Сидят ярусами на каменных скамьях. Полукругом. Внизу — ровная площадка. За ней — стена с дверью. А за спинами зрителей — город. Всё Афины. Сверху. В закатном свете.

Витька сел где-то наверху. Не потому, что нашёл место. Просто сел. Никто не обратил внимания.

И тут началось.

На площадке появились люди. В масках. В длинных плащах. Они заговорили. Запели. Заспорили. Заплакали. Обрадовались. Испугались. Всё — на глазах. Всё — прямо.

Это был театр.

Витька никогда такого не видел.

Он видел пение — у старика-певца. Он видел рассказ — у огня на Крите. Но чтобы люди вставали и делали вид, что они — другие люди... чтобы играли чужую жизнь — прямо, сейчас, здесь... И чтобы все верили... Это было новое.

На сцене был царь. Старый. Усталый. И был сын. И жена. И дядя. И сестра. С ними что-то случалось. Плохое. Настоящее. Витька не понимал слов, но понимал боль. Понимал гнев. Понимал раскаяние. Понимал страх. Один человек — на сцене — убивал другого. Не по-настоящему. Но так сильно, что Витька вздрогнул. И все вздрогнули. Тысячи людей — вздрогнули вместе.

Витька смотрел.

И понимал: это — тоже песня.

Та же песня, что у слепого певца. Только теперь не один голос. Много. Не слова про героев. Живые люди. Играющие. Перед всеми. И всё — здесь. Сегодня. Сейчас.

Только что — это было про других. А оказалось — про нас. Про людей. Про страх. Про долг. Про то, что можно выбрать. И надо выбрать. И если выбрать не то — будет плохо. И будет так всегда.

Театр — это зеркало. Огромное. Поставленное перед городом. Чтобы город посмотрел на себя. И подумал.

Витька смотрел на сцену и понимал, что теперь он понимает всё лучше. Чем дальше он идёт по этому лету, тем больше он понимает то, что не имеет слов. Что греки — это не «город». Не «флот». Не «поэты». Это — люди, которые придумали смотреть на себя со стороны. Через песню. Через театр. Через вопрос. Через спор.

Спектакль закончился.

Люди встали. Пошли вниз. По склону. К выходу. Говорили громко. Обсуждали. Спорили. Хвалили. Осуждали. Витька шёл вместе со всеми. Никто не обращал внимания.

Он вышел к главной улице.

Стемнело уже. По улице шли люди. Возвращались домой. Спешили. Ужинали в трактирах. Что-то кричали друг другу. Смеялись. Обычный вечер. Как всегда.

Витька остановился.

Он поднял голову.

Над холмом — на самом верху— светился храм. Тот, который строили. Ещё не закончили. Но уже виден. Колонны. Белый камень. Огонь где-то внутри.

Витька смотрел на него долго.

Он думал: чем этот храм отличается от пирамиды? Тоже большой. Тоже камень. Тоже много труда. Но — нет. Совсем не то.

Пирамида — для царя. Для мёртвого. Для одного.

Этот храм — для города. Для живых. Для всех. Каждый, кто шёл сейчас по улице, — строил его. Своими руками. Своими деньгами. Зачем? Не потому, что велели. А потому, что хочется. Потому что Афины — это их город. И должен быть — красивый. Лучший. Свой.

Вот разница.

Он опустил глаза.

У него закружилась голова от всего сразу. От площади, где спорят. От человека с посохом, который не даёт ответов. От храма, который строят для себя. От театра, где тысяча вместе смотрят на себя. От всего. От целого города, в котором всё связано. В котором одно — для другого. В котором есть общее дело — жить вместе, красиво, по своему.

Он поднял руку.

Браслет. Шестнадцать зелёных. Шестнадцатый — такой же яркий, как пятнадцатый. Как будто тот же. Как будто не два спросулись. А один — и он теперь в двух сторонах.

Витька сказал тихо:

«Шестнадцать. Это — Афины».

И свет померк.

Дома был вечер.

Не ночь. Ещё только вечерело. За окном пищали птицы. Река плескала тихо. Слышно было, как в соседней комнате мама чем-то гремит. Привычное. Своё.

Витька нашёл глазами браслет на руке.

Он не стал писать сразу. Сидел на кровати. Смотрел в окно. Думал.

Он думал о том, что сегодня — последний день перед разбором. Что завтра он встретится с Петькой и Ленкой. И попробует им рассказать — как рассказывал каждый раз. И опять у него не получится. И опять он будет искать слова. И опять — найдёт. Примерно. Как-то.

Он улыбнулся.

И сел писать.

Открыл тетрадку. Нашёл чистую страницу. Сверху — одно слово:

«Агора».

И стал писать.

Сегодня я был в Афинах. Но в других. Тех, которые — потом. Когда всё у них сложилось. И я понял сразу: это тот же город. Тот же шум. Та же площадь. Но всё уже собранное. Всё уже вместе.

Я видел человека. Он задавал вопросы. Я не понял слов, но понял всё. Он спрашивал — а другой сам отвечал. И вдруг понимал, что не знает. И тогда шёл дальше — уже с этим. Так он учил. Не давал знание. Заставлял искать.

Он посмотрел на меня. И спросил что-то. Я понял: «А ты что думаешь?» Я не знал, что ответить. У меня было сто мыслей. И ни одной правильной. Он улыбнулся. И сказал что-то. Я понял так: «Ничего. Это и есть начало».

Это Сократ, наверное. Я где-то слышал раньше это имя. И теперь понимаю — за что.

Потом я был в театре. Это такое место. Люди играют чужие жизни. Прямо перед всеми. В масках. И все смотрят. И верят. И возражают. И переживают. Я вздрогнул тоже. Вместе со всеми.

И потом я понял: театр — это тоже песня. Только по-другому. Певец поёт один. Здесь — много. Певец рассказывает про героев. Здесь — живые люди. Играют. На глазах. Про нас. Мы смотрим на себя. И думаем. И плачем. И понимаем.

Он задумался. Посмотрел в окно. Потом дописал.

И ещё я узнал главное.

Над городом строится храм. Огромный. Красивый. Белый. Все строят. Своими руками. Своими деньгами. Долго. Тяжело. И всё равно строят. Потому что это — их город. И должен быть — самый красивый.

И я сравнил это с пирамидой.

Пирамида — для одного. Для царя. Для мёртвого. Чтобы он был помнен.

Храм — для всех. Для живых. Для города. Чтобы город был красивый. Чтобы каждый из них гордился.

Это разные вещи. Совсем разные. И я вдруг понял: отсюда всё остальное. Отсюда — спор. Отсюда — театр. Отсюда — вопросы. Отсюда — свобода. Когда всё вместе — и тебе от этого хорошо — и ты сам это сделал — вот что такое Афины.

Он отложил ручку.

Посмотрел на браслет. Шестнадцать.

Он дописал в самом низу страницы, крупно:

Завтра — разбор. С Ленкой и Петькой. Они спросят. Я попробую рассказать. Осталось решить главное: с чего начать?

Он закрыл тетрадку.

Посидел. Потом спрятал её под подушку.

Приготовил ручку на завтра. Положил её рядом с лампой — так, чтобы сразу найти.

И лёг спать.

Засыпая, ещё раз посмотрел на браслет.

Шестнадцать.

Ещё шесть. Рим.

И что-то ещё. Что-то, чего он пока не понимал.

Он закрыл глаза.

И уснул.

Глава 22. Разбор

Он проснулся **поздно**.

Солнце уже стояло **высоко**. За окном **орали** воробы. Из кухни **тянуло** чем-то **жареным** — значит, мама **уже встала**. Значит, **утро давно**. Он **перевернулся**. Ещё **полежал**. Потом **вспомнил** — и **сразу сел**.

Сегодня.

Он **быстро** оделся. **Быстро** поел. **Быстро** схватил тетрадку. Мама **что-то** крикнула в след — он **не разобрал что**. Просто **кивнул** в сторону кухни. И **выскочил**.

На улице было **жарко**. По-настоящему. Июль. Пыль. Асфальт. **Наш мир**. Тот самый, **обычный**. Тот, где **нет** ни лабиринтов, ни легионов, ни сфинксов. Только **дворы** с бабушками на лавочках. Мальчишки на **велосипедах**. Голуби на **проводах**. Всё **как всегда**.

Витька **шёл быстро**. Почти **бежал**. Тетрадка — **под мышкой**. Браслет — **на руке**. **Шестнадцать** зелёных **квадратиков**. Ровных. **Мягких**. Как будто **все**.

Они **договорились** ещё **весной**. За **гаражами**. Не за обычными — за **дальними**. Те, что у **самой реки**. Там **никогда** не бывает. Там — **своё место**. Скамейка. Кривая, старая, с **отсутствующей планкой**. За ней — **куст** сирени. Летом — **отцветший**. Но всё равно —

густой. За кустом— река. Настоящая. Тёплая. С тиной у берега. И с утками. Смешными. Вечночем-то недовольными.

Витька прибежал первым.

Он сел на скамейку. Планка отвалилась, и он сел криво. Витька не стал поправляться. Привык. Так удобнее.

Он смотрел на реку и ждал.

Летом они встречались тут всегда. С пятого класса. Каждое лето. Витька — Ленка — Петька. Троица. Неразлучные. Хотя летом — редко. Только когда делать нечего. И когда есть что рассказать.

Он посмотрел на браслет.

Шестнадцать. Он уже привык к этому числу. Оно сидело у него внутри, как зуб. Не мешало. Но чувствовалось.

Скоро.

Ленка пришла первой.

Она всегда приходила первой. Даже сейчас, когда Витька прибежал раньше — она всё равно оказалась раньше где-то. Уже сидела на скамейке. С книжкой в руках. С какой-то — толстой, в мягкой обложке. Она всегда с книжкой.

— Привет, — сказала она, не отрываясь.

— Привет, — ответил Витька и сел рядом.

Она дочитала абзац. Закрыв книгу. Отложила в сторону. Повернулась к нему. Ленка была обычная. Тёмные волосы. Собранные в хвост. Очки. Родинка на щеке. Обычная Ленка. Своя с первого класса. Но глаза — внимательные. Как всегда. Как будто она видела человека насквозь — и не спешила это показать.

— Ну? — сказала она.

Витька не понял:

— Что «ну»?

— Лето, — сказала Ленка. — Конца лета, вообще-то. Я тебя с июля не видела. Что случилось?

Витька открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

Он всегда так. Каждый раз. Когда надо рассказать — не получается. И всё тут.

— Я путешествовал, — сказал наконец.

Ленка подняла бровь.

— Куда?

Витька задумался.

Куда он ездил. Как он это назовёт.

— Ну, — сказал он медленно. — В Грецию.

Ленка кивнула. Без удивления. Как будто ждала чего-то такого. Она всегда так реагировала. Как будто уже знала — просто жду, когда ты сам скажешь.

— В какую Грецию? — уточнила она.

— Древнюю, — сказал Витька.

Она смотрела на него секунды две. Молча. Потом чуть-чуть улыбнулась — уголком рта. Как спартанка в главе 19. Как будто то же самое.

— Ладно, — сказала она. — Погнали.

И достала из кармана яблоко. Откусила. И приготовилась слушать.

Петька пришёл не сразу.

Минут через пять. Он всегда так. Никогда вовремя. С велосипедом. С растрёпанными волосами. С улыбкой на всё лицо. Увидел их ещё издали — и заорал:

— О-па-па! Троица собралась!

Он **подъехал. Спрыгнул. Бросил** велосипед на землю — **прямотам**, где стоял. **Плюхнулся** на скамейку **между** Ленкой и Витькой. Скамейка **скрипнула**. Куст **качнулся**. Утка на реке **крякнула** — **испугалась**. Петька **засмеялся**.

— Ну что, — сказал он. — **Витёк**. Ты **опять** что-то видел.

Он **сказал** это **не спрашивая**. Просто **знал**. Как **всегда** **знал**.

Витька **кивнул**.

— **Греция**, — сказал Петька. **Уверенно**. Как будто **сам** догадался. — **Да?**

Витька **посмотрел** на него.

— Откуда ты **знаешь**?

Петька **пожал плечами**:

— Ты **ходишь** как **грек**. — Он **засмеялся** своей шутке. — **Философ**. Не **смеёшься**. **Задумчивый** какой-то. Все лето.

Витька **не смеялся**.

Петька **тоже** **перестал**.

Ленка **хрустнула** яблоком.

— **Рассказывай**, — сказала она.

И Витька **рассказал**.

Не так, как **писал** в тетрадке. **Без** тетрадки. **Прямо**. Как **умел**.

Он **рассказал** про **Крит** — про дворец, который **раскрашен**. Про **быков** на стенах. Про **старика** у огня. Про то, как ему **стало** **понятно**, что **Минотавра** не было. Что **легенда** — это **память**. **Завёрнутая**. Чтобы **уместилась**.

Петька **слушали** **мотал** головой.

— То есть **монстра** не было? — **переспросил** он.

— **Было** что-то, — сказал Витька. — Но не **такое**. Не **монстр**. Просто **дворец** — **сложный**. Просто **люди** — **боялись**. Просто **умер** кто-то. И **складывалось** в легенду. Сотни лет.

— **Круто**, — сказал Петька. **Восхищённо**. — **Прям** как **фильм**.

Витька **улыбнулся**.

— **Было** и **похожее**.

И **рассказал** про **певца**. Про **слепого** **старика** под **платаном**. Про **песню**, в которой **все** **слушали**. Про **девочку**, которая **повторяла** губами. Про то, что **греки** **начались** со слов. Не с **городов**. Со **слов**.

Ленка **слушала** — **внимательнее** Петьки. **Не перебивала**. **Смотрела** в одну **точку** — на **реку**. Как будто **видела** то, о чём он **говорил**.

— **Как** это — **со слов**? — **спросила** она.

Витька **задумался**.

Как **объяснить**?

— Ну, — сказал он. — **Воту** нас есть **книги**. **Много**. Мы **читаем** — и **знаем**. **Всё** **записано**. А там — **не было**. Не **книг**. Они **пели**. И **запоминали**. И **передавали** друг другу. **Голосом**. Если **голос** — **жив** — **всё** **живёт**. Если **замолк** — **всё** **умерло**. **Понимаешь**?

Ленка **кивнула**.

Петька **не понял**. **Понятно**.

— **Зашибись**, — сказал он. — А **чётам** **ещё**?

И Витька **рассказал** **дальше**.

Про **Афины**. Про **шум**. Про **Никия**, который **таскал** его **весь** **день** по **рынку**. Про **статую**. Про **дом** **собраний**, куда **шли** **серьёзные** **люди** с **палочками**. Про то, что в **Афинах** не было **царя**.

— **Как** — **не было**? — **встрял** Петька.

— **Вообще**, — сказал Витька. — **Всё** **решали** **вместе**. **Сами**. Не **царь**.

Петька присвистнул.

— Как в классе. Как у нас на собрании.

— Только по-настоящему, — сказал Витька. — Не как у нас.

Потом — про Спарту. Про тишину. Про мальчиков, которые шли в ногу. Про девочку, которая села с ним на камень и смотрела в поле. И ничего не говорила. И ему стало понятно. Без слов.

Петька засмеялся:

— Как ты её понял? Если она ничего не сказала?

Витька пожал плечами:

— Не знаю. Просто понял.

Ленка не засмеялась. Она продолжала смотреть на реку. Как будто всё понимала. Без объяснений.

— А дальше что было? — спросила Ленка.

Витька выдохнул.

Дальше было самое трудное. Что он сам не мог понять. Что сиделов нѐм глубже всего. Как зуб.

— Марафон, — сказал он. — Это война. Один бой. Очень древний. Греки воевали с персами. Персов было в десять раз больше. А греки — мало. И всё равно — стеной встали. И победили.

— Число взяли? — спросил Петька.

— Нет, — ответил Витька. — Свободой.

Петька хмыкнул:

— Свободой? Блин. Поэт.

Витька не обиделся.

— Понимаешь, — сказал он, — там воевали по-другому. Каждый — сам. Своим щитом. Своим оружием. Со своим рисунком на щите. Не «строй». Хор. Как песня. Один запел — другие подхватили. И все — вместе. Потому что надо. Потому что своё.

Петька замолчал.

Он не понял. Но почувствовал что-то. От этого слова. «Своё». Как будто Витька сказал про что-то знакомое. Про то, что у Петьки тоже было. Только Петька не знал — где.

Ленка сказала:

— Продолжай.

И Витька продолжил.

— Афины при Перикле, — сказал он. — Это король, но не король. Избранный. Народом. Он строил. Храмы на холме. Для всех. Не для себя. Не для бога одного. Для города. И все — строили. Своими руками. Своими силами. И гордились. Это их город. Свой.

Петька кивнул:

— Понял. Как ученик в школе. Все готовятся. И потом — гордятся. Общее дело.

Витька улыбнулся.

— Типа того. Только больше. Гораздо.

Потом — про Сократа.

— Был такой человек, — сказал Витька. — Ходил по площади. Разговаривал с людьми. Задавал вопросы. Не отвечал. Только спрашивал. И человек — сам — начинал думать. Сам. Без него. Понимаешь? Он не давал знание. Он включал ум.

Ленка подняла глаза. Внимательно.

— Как наш Сергей Петрович, — сказала она. — Который историю ведёт.

Витька кивнул:

— Похож. Только Сократу тогда пришлось умереть за это.

— **Как— умереть?** — спросил Петька. **Серьёзно. Впервые.**

— Его казнили, — сказал Витька. — **Потому что он учил думать. А власти это не понравилось. Он мог убежать. Друзья предлагали. Он не убежал. Выпил яд. И умер.**

Тишина.

Петька молчал.

Ленка молчала.

Даже уткина реке притихли. Или показалось.

Витька посмотрел на Петьку. На Ленку. И вдруг понял: это — тот момент, когда всё сходится. Не «смотрите, какой я». А — вот это. Когда двое твоих друзей — настоящих — вдруг слышат одно и то же. И оба — молчат. По-настоящему молчат. Как спартак в главе 19. Как старик на Марафоне. Как Сократ перед казнью.

Петька заговорил первым. Тихо. Непривычно.

— Он знал, что умрёт?

— Знал.

— И всё равно остался?

— Остался.

Петька помолчал.

— Дурак, — сказал он. Но как-то безуверенности. Как будто не он это сказал. Как будто сказал кто-то другой в нём. Из привычки. Из старой привычки — всё обсмеять.

Витька не стал спорить.

Он достал тетрадку. И показал Петьке — последнюю страницу. Где он написал: **«Осталось решить главное: с чего начать?»**

Петька прочитал. Пожал плечами.

— С Сократа, — сказал он. — Круто же. Человек умер за идею. Всегда круто.

Ленка покачала головой:

— Нет.

Витька посмотрел на неё. Обрадовался.

— Нет? Почему?

Ленка отложила блок. Вытерла руки о джинсы. Селаровнее. Посмотрела ему в глаза.

— Он не за идею умер, — сказала она. — Он умер за то, чтобы каждый мог думать сам. Неповторять. Неверить на слово. Сам. Понимаешь?

Витька замер.

Он смотрел на неё несколько секунд. И вдруг понял — она всё слышала. Всё поняла. Всё лето. С самого начала.

— Да, — сказал он тихо. — Именно.

Петька смотрел на Ленку, тона Витьку. Ничего не понимал. Как всегда. И вдруг сказал важное. То, чего Витька не ожидал:

— Так это про нас? Что ли?

Витька кивнул.

— Провсех.

— А зачем? — спросил Петька.

Витька задумался.

Он искал слова.

— Чтобы не забывать, — сказал он. — Что надо думать самому. Что надо проверять. Что нельзя верить просто так.

Петька хмыкнул:

— Типа «а ты что думаешь?»

Витька замер.

— Откуда ты знаешь?

Петька удивился:

— Ты сказал.

— Я не говорил.

— Говорил. Про Сократа. Он спрашивал «а ты что думаешь».

Витька вспомнил.

Да. Сказал. Сам. Только что. Про Сократа. Про то, как старик посмотрел ему в глаза — испросил. Прямо. Без перевода.

Он засмеялся.

Петька засмеялся следом. Не понимая чему. Просто потому что Витька засмеялся.

Даже Ленка улыбнулась.

И вдруг — тихо. Совсем тихо — нарекекрякнула утка. Одна. Первая. Как будто подала знак. Можно. Продолжаем.

Ленка спросила первой. То, что висело в воздухе весь разговор.

— Значит, демократия — это когда все спорят?

Витька посмотрел на неё.

И подумал — как же она умеет спросить одним словом всё. Как Сократ. Как Ленка.

Он покачал головой:

— Почти.

Ленка подняла бровь.

— А что ещё?

Витька подумал.

Как сказать. Как уместить в одну фразу целое лето.

— Не «все спорят», — сказал он медленно. — Все могут сказать. Каждый — своё. И — выбирают вместе. И не потому, что кто-то сильнее. А потому что у всех — одно дело. Общее.

Ленка кивнула.

Медленно. Обдумав. Как она всегда кивает. Взвесив.

— Как у нас совете отряда, — сказала она.

— Типа того, — сказал Витька. — Только там всё серьёзно. По-настоящему. И если выбираешь нето — будет плохо. Тебе. И всем.

— А как выбрать правильно? — спросила Ленка.

Она спросила это не потому, что не знала. Она знала. Просто проверяла. Как всегда. Как Сократ.

Витька понял. И ответил ей в тональность.

— Думать, — сказал он. — Самому. Всегда самому.

— Трудно?

— Трудно.

Она посмотрела на него долго. Внимательно.

— Ладно, — сказала она. И улыбнулась. По-настоящему. Не уголко.

И в этот момент Витька понял: вот. Вот это Ленка. Она поняла всё. Всё лето. Все тысячи лет. Все шесть квадратов. Всё.

— Слушай, — вдруг сказал Петька. — А почему тебе так тренирует что-то?

Он уставился на браслет.

Витька вздрогнул.

Он забыл. Совсем забыл про браслет. Он был на руке самого утра. И Петька — только сейчас — заметил. Конечно. Петька.

Витька посмотрел на руку.

На браслете— шестнадцать зелёных. Шестнадцать. Ровно. Рядом. Всеодинаковые.

Даже те, которые были раньше— теперь горели. Все. Одинаково. Мягко. Как будто всегда были.

— Крутая штука, — сказал Петька. — Это что такое?

Витька хотел соврать. Первый раз за всё лето. Захотелось. Просто сказать: «Купил в магазине». Как всегда. Отшутиться.

И не сказал.

Он посмотрел на Петьку. На Ленку. И понял: вот он. Момент.

— Это не из магазина, — сказал он тихо.

— А откуда? — Петька тут же.

— Не знаю, — честно сказал Витька. — Появился. Давно. В четвёртом классе. И теперь— растёт. Вот смотри— квадратики. Каждый загорается, когда что-то произойдёт.

Петька замер.

Он смотрел на руку Витьки. Потом— на Витьку. Потом— снова на руку.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— Охренеть.

Ленка незасмеялась. Не прикрикнула на Петьку, чтобы неругался. Просто смотрела на браслет. Внимательно. Как нечто-то настоящее.

— Сколько их всего? — спросила она.

Витька пожал плечами:

— Не знаю. Пока— шестнадцать. Осталось ещё шесть. До конца чего-то.

— Чего?

— Не знаю.

Ленка кивнула. Приняла. Не спросила больше. Как всегда.

Петька смотрел на браслет ещё секунд пять.

— Дай посмотреть, — сказал он.

Витька протянул руку.

Петька коснулся пальцем квадратиков. Маленьких. Тёплых. Как будто— живых.

— Тёплые, — сказал Петька тихо.

— Тёплые, — согласился Витька.

Петька убрал руку.

Отвернулся.

Замолчал.

И Витька понял: Петька всё понял. По-своему. Как умел. Несловами. Пальцами. Теплом. Как старик на плечо— руку. Как девочка на камень— сидела и молчала.

Этого было достаточно.

Они сидели ещё долго.

Солнце клонилось к западу. Река заблестела. Утки загготали разом— что-то поделили. Петька уехал первым. Сказал, что мама звала домой. Сел на велосипед. Помахал рукой. И уехал— как будто ничего не случилось. Обычный

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.